

Война застала многих сотрудников Публичной библиотеки на Карельском перешейке, в поселке Куоккала (ныне Репино), где была наша коллективная дача. В ослепительно солнечное июньское утро аллеи парка были наполнены звонкими голосами детей, неумолкаемым щебетом разноголосых птах и пичужек.

Когда кто-то сообщил, что началась война, не сразу поверили этому, но вскоре радио подтвердило эту чудовищную весть.

Мужчины немедленно отправились в Ленинград на призывные пункты, а мы с детьми остались в Куоккала, все еще не представляя всей угрозы, нависшей над страной. И только ночью, такой незабываемо прекрасной, теплой белой ночью, увидев полыхающие вспышки над Кронштадтом и глухой тяжелый гул орудий со стороны Финляндии, до сердца дошла эта грозная правда.

Наскоро собрав незатейливый дачный скарб и захватив детей, в переполненном, не по расписанию идущим из Выборга последним гражданским поездом, двинулись в Ленинград.

В библиотеку каждый пришел на свое место, в рабочий строй, который с первого до последнего дня войны стал боевым строем.

И хотя в городе уже было объявлено военное положение, на улицах все еще играли ребятишки, из открытых окон слышалась мирная музыка. Но на фасадах домов уже появились надписи: «Бомбоубежище», «Штаб», «Пост охраны общественного порядка».

В первые же дни войны свыше 50 сотрудников библиотеки ушли в армию, в народное ополчение, в истребительные батальоны, а несколько позже — в партизанские отряды. Не все вернулись домой.

25 июня партийная организация Публичной библиотеки приняла решение о неотложных мерах по обороне объекта, о спасении наиболее ценных фондов библиотеки, о перестройке работы в помощь фронту.

Наиболее ценные книжные и рукописные фонды были срочно упакованы и отправлены с группой сотрудников в глубокий тыл.

Одновременно с эвакуацией фондов началось перемещение в нижние этажи и подвалы читальных залов, фонда эстампов, центральной справочной библиотеки. Всего около одного миллиона единиц хранения было снято со стеллажей, упаковано или установлено в более безопасных и укрытых местах.

С каждым днем над Ленинградом нависала опасность. Бомбы. Обстрелы. Враг у ворот. Но город жил и боролся, в нем ровно и бесперебойно билось сердце нашей библиотеки. В эти дни, 3 сентября 1941 года, в «Ленинградской правде» появилось коротенькое, но весьма интересное сообщение о том, что в библиотеку поступили книги из Калифорнийского университета, из Японии и США, получены последние номера журналов по воздухоплаванию, судостроению, медицине, архитектуре.

Замкнулось кольцо блокады. 26 января 1942 года в библиотеке погас свет, выбыл из строя водопровод, холод, голод и смерть вырывали из наших рядов одного за другим товарищей, которые многие годы жизни отдавали свои знания и сердца библиотеке.

Ленинградцы самоотверженно работали на строительстве оборонительных сооружений, заготовке дров и торфа. Были организованы уборка города, сбор теплых вещей для армии, созданы бытовые отряды и многое другое.

Во всех этих мероприятиях под руководством партийной организации участвовал и наш поредевший, в основном женский, коллектив. Трудно было ослабевшими от голода руками чистить город от снега и нечистот. Но и в эти суровые дни голодной блокады забота о сотрудниках библиотеки была делом партийным, государственным, оборонным. Каждая тарелка дрожжевого супа, банка казеиновой сметаны, шроты и дуранда, студень из столярного клея или кожмитовых ремней для истощенных людей расценивались как удар по врагу.

Большую помощь оказывал библиотеке Военный совет Ленинградского

фронта, Ленгорисполком, городской комитет партии.

От угла Садовой и Невского до Смольного на троллейбусе 10–12 минут езды, но каким долгим и трудным был этот путь в суровую зиму 1941/42 года! Приходилось ходить туда и обратно на опухших и ослабевших ногах, под обстрелом и бомбами, часто с книгами, которые были срочно нужны для важных дел обороны города. Бывало и так, что в пути изменяли силы, подкашивались ноги, но какая-то необъяснимая сила заставляла подняться и идти дальше, чтобы обязательно дойти и сделать то, что надо.

О ленинградских детях написано много. Были они и у наших сотрудников; вместе со взрослыми переживали все военные невзгоды. Работники библиотеки участвовали в обходах домов, подбирали и сдавали в детские дома сирот, оставшихся в пустых, «выморочных» квартирах.

Никогда не забудется морозная лютая ночь 23 февраля 1942 года. Вместе с Всеволодом Мариным мы обходили жилой фонд. В пустой квартире, с распахнутыми дверями и выбитыми окнами на тусклый свет фонаря сверкнули живые, чистые, голубые глаза ребенка. С трудом удалось извлечь девочку из окоченевших объятий покойницы бабушки. В стационаре для ослабевших ее обогрели, обмыли крохотное, худенькое, покрытое язвами и насекомыми тельце. Утром отнесли девочку в больницу. Назвали ее Машенькой-Ниночкой. Поправляться начала девочка, но снаряд попал в больницу, и погибла наша коллективная дочка. Разве забудется такое?

Нет слов, чтобы выразить силу гнева и меру страдания.

И в таких суровых условиях ни на один день не прекращалась работа библиотеки: 42 597 читателей, 463 846 посещений, 1 474 408 книговыдач за годы войны. В читальные залы приходили инженеры и врачи, солдаты и офицеры, педагоги и журналисты, партийные работники города и армии. Писатели и поэты осажденного города были нашими частыми гостями и боевыми товарищами.

Ольга Федоровна Берггольц, как ее называли мы, наша Ольга, бывала не только в читальном зале, но и в бомбоубежище, где сотрудники жили и

работали, и в казармах бойцов и командиров. Много ее стихов мы слушали еще с рукописных страничек, обсуждали, радовались и плакали вместе над ее «Февральским дневником», над мужеством Дарьи Власьевны. Бережно храним мы, теперь уже в пожелтевших тетрадях, записанные на слух у блокадного огонька коптилки, ее, как будто написанные кровью сердца, мужественные стихи и поэмы. Она делилась последним кусочком хлеба и сахара, чтобы поддержать угасающую жизнь ребенка или товарища.

Часто бывал у нас Всеволод Вишневский. Он работал тогда над пьесой «У стен Ленинграда», писал историю Кронштадта.

Библиотекари А. М. Древинг, Ф. И. Бархатова (Горенштейн), А. К. Шкеле, Л. Логинова, М. М. Чернякова, Т. В. Клочихина, Т. Григорьянц в темном книгохранилище с фонарем и лучиной, а то просто на ощупь подбирали нужные книги для штаба Ленинградского фронта, политуправления Балтийского флота, госпиталей, театра Музыкальной комедии и других организаций.

Бесценно оставались на посту библиографы В. В. Бессонова, М. В. Кальфа, В. Н. Струлева, Е. Н. Жилина, В. Н. Миницкая. Они не только выполняли запросы читателей, но и вели библиографические картотеки о дикорастущих съедобных растениях, о героизме советских воинов и т. д.

Своеобразными стали и запросы. Теперь чаще приходилось подбирать литературу о минометах и пулеметах, о применении дымовых завес, ремонте танков в полевых условиях, лечении огнестрельных ранений, дистрофии и цинге. Для строительства «Дороги жизни» — ледовой трассы через Ладогу — потребовалась литература о механических свойствах льда, о расчете прочности ледяного покрова, о прокладке временных дорог на болотах.

В 1944 году стали поступать запросы из освобожденных районов страны, а позже — об использовании трофейного оружия, об озерах и болотах бассейнов Одера и Эльбы, о художественно-исторических памятниках Пскова и пригородов Ленинграда.

Поредел состав сотрудников отделов каталогизации и систематизации, осталось не более 25 человек во главе с Ольгой Павловной Захарьиной, принявшей на свои, уже очень не молодые, истощенные голодом и лишениями плечи и руководство отделом и непосредственное выполнение многих работ по каталогизации фондов.

Не только сохранить фонды должна была библиотека. Надо было бережно собрать все то, что печаталось в эти годы в Ленинграде, в стране, на фронте и в тылу.

Сотрудники отдела комплектования в течение всех военных лет собирали обязательный экземпляр в издательствах и типографиях, в книжных магазинах и редакциях, вместе с бойцами МПВО спасали собрания книг ученых, писателей и просто горожан, оставшиеся в так называемых «выморочных» пустых квартирах. Книги носили, возили на санках, на попутных трамваях, а позже на грузовых машинах, выделенных исполкомом. Было собрано свыше 250 тысяч томов.

За годы войны удалось собрать уникальную коллекцию «Ленинград в Великой Отечественной войне».

Проводилась и массовая работа. Выставки, обзоры и лекции делались в госпиталях, воинских частях, пунктах всеобуча, в Центральном парке культуры и отдыха. Наши библиотекари были желанными гостями на крейсере «Киров» и в Доме Красной Армии.

Даже в эти годы не прекращалась научная работа библиотеки. В 1942 году началось составление общей библиографии славяноведения, проводились научные заседания, работали секции библиотековедения и библиографии. Продолжалась издательская деятельность библиотеки. В декабре 1941 года вышел в свет указатель основной литературы о Л. Н. Толстом, составленный Е. Н. Жилиной.

От бомбежек и артобстрелов в окнах библиотеки не осталось ни одного стекла. Рухнули своды «кабинета Фауста», появились трещины в фундаменте, разрушилась крыша, вышли из строя осветительная,

водопроводная и канализационная системы.

После снятия блокады нужна была срочная помощь правительства в восстановлении библиотеки. На партийном собрании было вынесено решение послать представителя в Москву. Эта миссия была поручена мне.

Незабываемой была эта поездка. Только что восстановили железнодорожное сообщение между Ленинградом и Москвой. Пошла сверкающая «Красная стрела» с начищенными до блеска окнами, с шелковыми занавесками, с крахмальными салфетками на столах и с настоящим крепким чаем в тонких стаканах с подстаканниками.

В Москве нас принял Алексей Николаевич Косыгин. Он подробно расспросил о Ленинграде, о библиотеке, внимательно выслушал наши просьбы. Вскоре после этого, в июне 1944 года, Совет Народных Комиссаров СССР принял специальное постановление, обязывающее Ленсовет выполнить для библиотеки все восстановительные работы.

В канун 27-й годовщины Октября 1 ноября 1944 года был отремонтирован и открыт для читателей общий читальный зал. Какой волнующий это был праздник! Ведь совсем недавно и поверить было трудно, что холодный, темный, без единого стекла в окнах, с вырванными воздушной волной оконными переплетами, с обвалившейся штукатуркой, заваленный грудями сломанной мебели, полуразрушенный зал вновь откроет свои двери и примет сотни тысяч читателей.

Несколько позже открылись читальные залы для научных работников, возобновили работу филиалы.

Советское правительство и партия высоко оценили труд ленинградских библиотекарей. Свыше 150 сотрудников Публичной библиотеки были награждены медалями «За оборону Ленинграда», 200 библиотекарей получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Первой была вручена медаль «За оборону Ленинграда» директору нашей библиотеки Елене Филипповне Егоренковой. Эта замечательная женщина все 900 дней блокады возглавляла наш коллектив. Директор и

начальник объекта, пропагандист и библиотекарь, верный товарищ, настоящий принципиальный коммунист. Первая женщина-директор в истории библиотеки самоотверженно, стойко и мужественно выполняла свой долг в суровые годы войны и блокады.

Очень хорошее предложение внес писатель С. Смирнов — установить на фасадах предприятий и организаций, откуда ушли на фронт солдаты, мемориальные доски с именами погибших. Украсила бы и наше прекрасное здание Публичной библиотеки еще одна мраморная скрижаль, на которой золотыми буквами засверкали бы имена Григория Михайловича Ершова, Бориса Лукича Агафонова, Сергея Герасимовича Миляева и других товарищей, отдавших свою жизнь за Родину.

Прошло двадцать лет со дня окончания Великой Отечественной войны. С особым волнением вновь и вновь любуешься величаво прекрасным зданием нашей не стареющей библиотеки-красавицы в центре великого города. Книги и люди, миллионы книг, десятки читальных залов, сотни тысяч читателей, и все это — наша библиотека!

Филиппова Л. М. Вместе с городом-героем // Библиотекарь. 1965. № 5. С. 12–14.